

И. В. Октябрьская САМОСОЗНАНИЕ ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФОЛЬКЛОРА

Историческая память этноса представляет собой многомерное пространство и является важным фактором конструирования его самосознания. Представления о прошлом могут изменяться под влиянием внешних социально и политически значимых факторов, но историческая память в целом обладает инерционной устойчивостью, заменяя дискурсы константами, необходимыми для самосохранения этноса. Этническое сообщество обращается к прошлому, отыскивая в нем аналогии с настоящим. Исторический параллелизм и инверсии позволяют структурировать центральную зону культуры этноса, которая, по заключению С. В. Лурье, определяется соотношением категорий «добро» и «зло», преломленных сквозь призму представлений о «своем» и «чужом».¹

Предания и легенды в эмоциональной форме фиксируют память этноса, априори разделяя события, а также персонажей на «хорошие» и «плохие». Одних этническая память, облеченная в фольклорную форму, обрекает на забвение или проклятие, других канонизирует, превращая в национальных героев.

Значительный пласт исторического фольклора народов Алтая связан с событиями XVIII в. Это время этнополитических союзов и территориальных захватов; войны составляют основное его содержание. В XVIII в. закладываются основы геополитических моделей новейшего времени. Главными действующими лицами в сложной политической борьбе становятся Джунгарское и казахские ханства, Российская и Цинская империи. Политическое противостояние определяет пафос фольклорной героической традиции народов — участников борьбы.

Становление казахских ханств в XV–XVI вв. сопровождается вооруженными столкновениями с джунгарами (ойратами / калмыками / калмаками); конфликты продолжаются

вплоть до начала XVII в. После образования в 1635 г. Джунгарского ханства борьба казахов с джунгарами перерастает в изнурительные войны. Порой казахи терпят сокрушительные поражения, особенно в конце XVII — начале XVIII в.² Втянутыми в военное противостояние оказываются и зависимые от Джунгарии народы Алтая. Это противостояние воплощается в алтайском легендарном цикле, фабулу которого определяет история сражений с казахами.

В 1883 г. Г. Н. Потанин опубликовал алтайское предание о победе над «киргизским» (казахским — *И. О.*) батыром Кочкорбаем, пришедшим под Улалу с двумя сыновьями и погибшим у горы Шагшаг³. В конце XIX в. для коренных обитателей Алтая имя Кочкорбая было нарицательным (так называли чужака), хотя принадлежало реальному историческому персонажу. Это был крупный военачальник Среднего жуза, годы жизни которого пришлись на период войн с Джунгарской империей.

Военные походы казахов на Алтай в середине XVIII в. обострили и без того чрезвычайно напряженную ситуацию в регионе. С началом джунгаро-китайской войны 1754–1758 гг. население Горного Алтая, спасаясь от мобилизации и разрухи, ринулось к оплоту российской государственности в регионе — к крепостям Кольвано-Кузнецкой линии. В марте 1756 г. в Бийскую крепость приехали посланники четырех зайсанов (родовых правителей) Алтая — Пуктуша, Бурута, Намыкая и Намыка. Они сообщили, что их патроны перекочевали в устье р. Семы, чтобы спастись от истребления и избежать перспективы принятия цинского подданства.⁴

Через месяц, 2 мая 1756 г., из Коллегии иностранных дел пришел указ с изложением условий и порядка принятия «горными калмыками» подданства России, где особенно подчеркивалась опасность для жителей Алтая «подвергаться нашествиям с зенгорской или с

¹ См.: Лурье С. В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М., 1997. С. 220–228, 363–366.

² См.: Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 305–312.

³ См.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Ч. 4. С. 218.

⁴ См.: Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999. С. 178.

киргиз-кайсакской (казахской — *И. О.*) стороны». Переход под покровительство государыни Елизаветы растянулся на несколько лет.

Воспользовавшись выступлениями Цинов против Джунгарского ханства, в состав которого входила большая часть Алтая, казахские военачальники зимой 1757/58 г. предприняли ряд боевых акций в горах Алтая, в верховьях Иртыша. Отряды казахов под предводительством старшин Барака и Кочкорбая совершили серию нападений на алтайские кочевья.

В начале 1759 г., сопровождая пленников, отряд казахов возвратился из похода; часть дружины осталась зимовать в горах. Сам Кочкорбай, не подозревая о присяге алтайцев на верность российской короне, лично прибыл в Семипалатинск, чтобы сообщить о разгроме джунгарских подданных. По словам казахского батыра, он взял в плен «кибиток до осьмидесят, в них людей ста три» — подданных зайсана Менко.

В январе–феврале 1759 г. отряды казахов вновь двинулись в Горный Алтай.⁵ Во время зимней кампании Кочкорбай захватил в плен до полутора тысяч алтайцев. Преодолевая вооруженное сопротивление местного населения и разоряя кочевья, казахские отряды вышли к Катунь, к Бийской крепости. В конце марта стало известно, что воины, оставшиеся в Горном Алтае с Кочкорбаем, вернулись в степь. Они «привезли полону немалое число, но... Кошкарбай батыря, да сына его убили, да ево ж... сыновей ранили».⁶

В 1760 г. Барак вновь ходил на Алтай, на Чую, в кочевья российско-китайских двоеданцев. Преследуя чуйских теленгитов, казахи вышли в бассейн р. Кобдо, где кочевал оток зайсана Чадака, принятого в цинское подданство. Вслед за вторжением казахов во владения Китая последовало грозное предупреждение с требованием прекратить набеги на оток Чадака и возвратить пленных. Перспектива столкновения с цинскими войсками заставила казахских правителей вывести свои отряды из Горного Алтая и отправить в Китай посольство с уведомлением о признании ошибочности своих действий.⁷

Позиция Пекина остановила казахскую агрессию на Алтае. Но главную роль в стаби-

лизации ситуации в регионе, как считают исследователи, сыграло строительство в начале 1760-х гг. Колывано-Кузнецкой оборонительной линии и Бухтарминского укрепления. Походам казахов на Алтай отныне противостояло Российское государство.

В конце XVIII в. наступила новая эпоха, когда лидерство в определении геополитических стандартов Центральной Азии перешло к Российской и Цинской империям. Набеги казахов на Алтай повторялись, но не влияли на ход этнополитической истории региона. Память же о казахско-алтайском / калмыцком конфликте, преобразованная и кодифицированная фольклором, жила.

В 1910 г. в ходе знакомства начальника Алтайского округа действительного статского советника В. П. Михайлова с Горным Алтаем была собрана информация, подтверждающая лояльность коренных обитателей округа к Российскому государству, а также было записано следующее предание: «...когда разные князья перессорились, то ушли куда-то и защищать алтайцев стало некому; киргизы (казахи — *И. О.*) и китайцы этим воспользовались и стали теснить алтайский народ, и только тем он спасся от разорения, что один оставшийся князь, Эрелдей, догадался пустить вниз по р. Катунь “сал”, т.е. плот из нескольких бревен. Когда этот плот принесло течением к русским берегам, то русские начальники сообразили, что сверху живет какой-то народ, прислали туда солдат и дали защиту от киргиз и китайцев».⁸

Имя зайсана Эрелдея/Ерелдея было известно по историческим хроникам середины XVIII в. Согласно архивным изысканиям Л. И. Шерстовой, Ерелдей возглавлял дючину двоеданцев; на правах зависимой она входила в улус зайсана Намыка Яманакова и, как и ряд других этносоциальных пограничных сообществ Алтая, имела двойное налогообложение — со стороны России и Китая, который сохранял свое присутствие в регионе вплоть до середины XIX в.⁹

По данным Г. П. Самаева, Ерелдей был главой дючины и одним из пяти зайсанов, с именами которых связывалось принятие и утверждение российского подданства. Главами дючин на Алтае в 1760-х гг., по версии Г. П. Самаева, были Кутук Кудайгулин, Намы-

⁵ См.: Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1991. С. 152.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же. С. 155.

⁸ Михайлов В. П. Отчет начальника Алтайского округа действительного статского советника В. П. Михайлова по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. Барнаул, 1910. С. 45.

⁹ См.: Шерстова Л. И. Указ. соч. С. 179.

кай Малаев, Иренчен Менкин, Бютюк Куранаев и Ередей Мачаков. В. В. Радлов приводит несколько иной список зайсанов: Кутук / Кудук из рода кыпчак, Пүдүко из рода ирkit, Көккүш из рода тодош и Пуктус / Пуктуш из рода мундус.¹⁰

Имена лидеров коренных народов Алтая, принявших российское подданство в «год избиения джунгар», были сохранены фольклором. Полный вариант предания об Ередее был записан А. В. Анохиным в 1910 г. в долине р. Маймы от алтайца Павла Тюхтенева:

«Имя алтайского зайсана Эреддея, жившего в половине 18 столетия, связано у алтайцев с историческими преданиями о войне с киргизским (казахским — *И. О.*) полководцем Кочкорбаем, а в дальнейшем с моментом перехода алтайцев из подданства китайского в подданство русской императрицы Екатерины II. ...

Помимо своих прямых обязанностей, с первых годов своего управления зайсану Эреддею много пришлось приложить усилий к тому, чтобы спасти себя и свой народ от набегов грозного киргизского (казахского — *И. О.*) полководца Кочкорбая, слухи о котором все больше и больше благодаря Табышу распространялись в Восточном Алтае. В первые годы зайсанства Эреддей у восточных алтайцев фигурирует в качестве полководца-зайсана.

<...> Этот исторический момент особенно памятен остался для Алтая, до сих пор можно встретить среди них разные рассказы, подвергшиеся различным измышлениям собственной фантазии, характеризующие то или иное отношение алтайцев к набегам Кочкорбая».¹¹

Проекция фольклора на историческую реальность позволяет определить время жизни Ереддея в реальных границах — от времен царствования Елизаветы и Екатерины II до времени царствования Павла I. Его современниками и сподвижниками в фольклорной версии являются известные исторические фигуры — зайсаны Пуктуш и Пудуку (Пүдүко, по версии В. В. Радлова).

Взаимосвязь героев и их участие в событиях, имеющих судьбоносное значение для Алтая, кодифицируются фольклором. Образу врага в традиционной картине мира алтайских народов противостоят образы защитников — Хана Ойрота, Шуну, Амурсаны, Галдан-хана.

Они восходят к героям Джунгарского ханства, вершившим судьбы народов Алтая в течение нескольких столетий.

Баланс добра и зла в этническом сознании выстраивается с учетом исторических реалий. В определении этнополитических парадигм и стратегий межэтнического взаимодействия аборигенное сообщество вплоть до XX в. сохраняет образ захватчика — чужака. Опасность маркируется именами казахских батыров и вписывается в иерархию бытия.

Анализ фольклора показывает, что многие алтайские сёйки (роды) имели собственные версии героического сюжета о борьбе с завоевателями. В них возникали известные исторические персонажи, имена которых были сохранены архивными хрониками времен российско-китайского двоеданничества.

После приема алтайцев в российское подданство реальная расстановка сил в пограничном районе оставалась очень сложной. Цинская империя контролировала бассейн р. Чуи и Улаганское нагорье. Согласно документальной традиции, главы двух пограничных волостей — зайсан Яранак (из рода кобёк) и теленгитский зайсан Телбек (из рода төлөс) — добровольно перешли в китайское подданство, за что их роды получили право наследственного зайсанства, а Яранаку и Телбеку присвоили титулы «управителей третьего ранга».

История наследственных зайсанов, которые, будучи двоеданцами, сохраняли автономию во внутренних делах и практически самостоятельно управляли подданными, легла в основу ряда исторических преданий Алтая. Еще в 1898 г., А. Калачев опубликовал сюжет о борьбе с казахами чуйских теленгитов-двоеданцев. В легенде о приходе теленгитов на р. Чую, протекающую у границ России и Китая, говорилось:

«Прежде теленгеты жили на Телецком озере, жили богато, всего у них было довольно, однако было горе — часто делал на их набеге киргизский (казахский — *И. О.*) батыр Кочкорбай. С воинами своими врывается он к ним, со всех сторон закрытый щитами. Многих убивали они, многих уводили в плен.

Долго терпели теленгеты, не находилось смельчака, который убил бы Кочкорбая, к тому же тело его было заколдовано. Нашелся, наконец, один храбрец; он узнал, что одно место у Кочкорбая не заколдовано, и нацелился стрелой в это место. Стрела прошла луку седла, прошла под кольчугу и попала в мочевою пу-

¹⁰ См.: Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника: Пер. с нем. М., 1989. С. 124.

¹¹ Архив МАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 141–142. С. 2–7. Анохин А. В.

зырь. Это случилось у горы Шакшаг (около Улалы). В это время зайсангом у теленгетов был Яранак».¹²

Возникнув в XVII–XVIII вв., историческая тема межэтнического противостояния была актуализирована в конце XIX в. Во второй половине XIX в. пограничные районы Горного Алтая — районы кочевий теленгитов — стали зоной активной миграции казахских родовых подразделений, откочевавших из пределов Китая, Монголии и со стороны Прииртышья. Особенно интенсивным переселение стало в последней трети XIX — начале XX в. вследствие административных преобразований и обострения земельного вопроса в казахской степи, а также в результате политических и религиозных конфликтов в сопредельных с Россией регионах. Освоение казахами Чуйской степи и прилегающих урочищ вызывало острые межэтнические конфликты и недовольство официальных властей.

В 1912–1913 гг. в результате деятельности землеустроительной комиссии казахско-теленгитский конфликт был улажен, но перед новопоселенцами стояла проблема адаптации. Ситуация усугублялась нестабильностью в пограничном регионе. Все это вело к тому, что развитие этнополитических процессов сопровождалось актуализацией сюжетов из прошлого.

В конце XIX в. в сопредельных районах Западной Монголии витали слухи о мессии. Имя Амур-Саны — великого полководца времен джунгарского владычества — возникло из небытия. Согласно исторической традиции, в 1755 г. Амур-Сана поднял восстание против китайского владычества, был разгромлен, бежал в Россию, где и умер от оспы в далеком Тобольске. Время стерло реальные черты исторического персонажа; в народной памяти сохранился лишь идеализированный образ вождя — борца за независимость. Появились предания о том, что настанет срок и сбудутся чаяния данников Алтая: Амур-Сана вернется, чтобы, как в былые времена, повести джунгар и их союзников на борьбу с захватчиками.

Подобные сюжеты актуализировались в периоды обострения внутри- и внешнеполитической обстановки в регионах Большого Алтая в течение XIX–XX вв. Вновь и вновь появлялись в приграничных районах личности, выдававшие себя за мессию.

Так, в 1890-е гг. в монгольских пределах стал известен лама, происходивший якобы из астраханских калмыков и называвший себя внуком Амур-Саны. Позднее он прославился по всей Монголии и за ее пределами как перерожденец Джа-лама / Джалама — богослов и врачеватель, герой национально-освободительного движения и кровавый деспот.¹³

Джалама стал знаменит к 1911 г., когда в Урге была провозглашена независимость Халхи. Россия оказывала всемерную помощь местным правителям в борьбе за независимость Западной Монголии. Героем национально-освободительного движения стал Джалама. Вскоре он вышел из-под контроля Урги, намереваясь создать независимое государство джунгар. Утверждая собственную власть, он жестоко преследовал казахов, в составе нескольких тысяч семей кочевавших в приграничной зоне. В зимних походах 1913 г. Джалама пленил несколько сот казахских семей. Доведенные до отчаяния, в сентябре 1913 г. казахи бежали к границе. Часть из них откочевала на земли Восточного Казахстана и Томской губернии, остальные переселились в Алтайский округ Китайской империи.¹⁴

Пограничный конфликт был исчерпан к 1915 г., когда Тройственная российско-китайско-монгольская конференция в Кяхте приняла соглашение о Внешней Монголии (образованной Халхой и Кобдоским округом), получившей широкую автономию в составе Китая.¹⁵ Тогда же была решена судьба Джаламы: он был арестован консульской стражей и выслан из Монголии как российский подданный.

Волею судеб Джалама вновь вернулся в монгольские степи в 1920 г. Организовав военное княжество, он создал угрозу для новой революционной власти, в результате чего в 1922 г. был вновь арестован и жестоко казнен: его обезглавили, а тело сожгли.¹⁶

Однако и после смерти «святого бандита» предания о нем рождали множество версий. В фольклорной традиции пограничного региона история Джаламы, принявшего имя мессии — героя и освободителя — и спрово-

¹² Калачев А. Несколько слов о поэзии теленгитов // Живая старина. 1898. Вып. 3–4. С. 499, 500.

¹³ См.: Ломакина И. Голова Джа-Ламы. Улан-Удэ; СПб., 1993. 256 с.

¹⁴ См.: Белов Е. А. Царская Россия и Западная Монголия в 1912–1915 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 96–105.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ломакина И. Указ. соч.

цировавшего геноцид казахов, оказала большое влияние на стратегии взаимодействия этносов.

В начале XX в. в Чуйской степи тема казахско-теленгитского/ калмыцкого противостояния получила развитие в связи с усилением казахской миграции и ростом земельных конфликтов. Тогда же, на рубеже XIX–XX вв., вновь возникло имя Кочкорбая. Среди теленгитов в то время стало популярным предание об Антыше, который якобы расправился с казахским батыром. Оно было записано автором:¹⁷

«Рассказывают, было это в те времена, когда казахи и теленгиты враждовали друг с другом; от тех времен в урочище Шибиты остались курганы — под ними убитые теленгиты лежат. Среди теленгитов рода алмат шла слава о беспощадном воине Антыше, который был против переселения казахов в Чуйскую степь. Он убивал пришельцев; ценности забирал, тела сбрасывал со скалы, а коней отпускал. В тех местах, где Антыш расправлялся с врагами, до сих пор кости лежат.

Антыш давно охотился за Кочкорбаем — тот угонял теленгитов и угонял их скот. Однажды он поехал на охоту и взял с собой трех парней. <...> Поставил большой камень как мишень и велел парням по очереди стрелять — кто попадет, того он с собой возьмет. Парни начали стрелять, попал тринадцатилетний мальчик. Антыш оставил его, а тех двоих отправил и отдал им коней.

<...> Объяснил Антыш, что нужно делать; они легли и ждут. Семь всадников спускаются с горы, с ними Кочкорбай на белом коне. Мальчик лежит, ждет; видит: белый конь прыгнул; он выстрелил и попал — убил Кочкорбая.

Антыш завернул этого мальчика в войлок, сам по очереди перебил оставшихся казахов, а коней их не тронул. Только конь Кочкорбая поднялся на дыбы, стал его копытами бить. Антыш не выдержал и убил его. Мальчик до того испугался — речь потерял, язык у него отнялся. Чтобы он опомнился, охотник отрезал язык одного из убитых и положил его под стельку парню. Они быстро собрались, приехали домой.

Тут Антыш говорит: “Мне недолго осталось жить, прежде я коней не убивал — это

плохая примета”. В тот же день он заболел и умер. А мальчик тот, говорят, погиб на фронте в 1941 г.».¹⁸

Ставшая ключевой в памяти этноса тема межэтнического конфликта, маркированная именем врага, была перенесена из XVIII в XX в. Этническая память, используя алгоритм типизации, сохраняла исторические события в форме предания. Оценки прошлого, санкционированные фольклором, формировали систему этнически значимых стереотипов.

В 1984 г. в Алтайском книжном издательстве была выпущена в свет книга И. В. Шодоева «Кызыланду жалдар» («Трудные годы»). Вслед за предшественниками в жанре исторического романа автор адаптировал фольклорные сюжеты и образы, восходящие к историческим событиям XVIII в. Одним из героев его повествования стал калмак / калмык Карчага. «Карчага рано осиротел. Выполняя наказ покойной матери, он обманул врагов, вернулся в родной Алтай и расправился с захватчиком Кочкорбаем — стрела, пущенная одним из его товарищей, пробил луку седла и, попав в щель между полами кольчуги, поразила батыра кыргынов».¹⁹

Борьба с захватчиками определяла героическую тему исторической традиции Алтая, которая оставалась актуальной и в XX в. Имя Карчага, наряду с именами других легендарных богатырей-алыпов, обрело особое значение с обретением Алтаем статуса независимой республики — субъекта Российской Федерации. В 2006 г. на государственном празднике Республики Алтай — Эл Ойыне, посвященном 250-летию добровольного вхождения Алтая в состав России, была обнародована легенда о Карчага, именем которого был назван приз, врученный победителю в стрельбе из лука: «Доблестный воин прожил на белом свете более века и был одним из тех, кто активно закладывал дружбу алтайского и русского народов».²⁰

Тема исторической памяти стала актуальной в начале 1990-х гг. Тогда в с. Мендур-Соккон Усть-Канского р-на Республики Алтай усилиями Н. А. Шодоева — учителя и знатока истории — был создан историко-этнографический музей, позднее включенный в республи-

¹⁷ ПМА. с. Кокоря Кош-Агачского р-на Республики Алтай. Конец 1990-х гг.

¹⁸ ПМА. с. Кокоря Кош-Агачского р-на Республики Алтай. 1998.

¹⁹ Шодоев И. В. Кызыланду жалдар. Горно-Алтайск, 1984. С. 12, 280.

²⁰ ПМ Самушкиной Е. В. (ИАЭТ СО РАН). с. Ело Онгудайского р-на Республики Алтай. 2006.

ликанскую музейную сеть. Одно из центральных мест в экспозиции музея занимает карта сражений алтайцев в XVII–XVIII вв., где особо выделены сражения с казахами. Напоминание о прошлом создатель музея адресует в будущее, превращая героическую тему в инструмент структурирования и актуализации этнического самосознания. Многократно повторенные фольклором, санкционированные традицией и поддержанные официальной идеологией (в литературной редакции), образы захватчиков-чужаков приобретают характер констант, которые и сегодня обнаруживают себя в системе межэтнических отношений народов Алтая.

Формой преодоления конфликта в рамках народной традиции стала тема побратимства. Согласно легенде, записанной известным алтайским этнографом Н. А. Тадиной в с. Кырлык Усть-Канского р-на Республики Алтай, алтайский род кыпчаков включает в себя потомков казахов одного из 9 его подразделений. Среди кош-агачских теленгитов бытует легенда о том, что в былые времена Алтай и Казах были родными братьями:

«У одного человека было два сына. Однажды, попив кумыса, они втроем ушли на охоту в тайгу. Один из братьев по имени Казах спустился раньше и съел все, что было дома. Второй, называемый Алтай, вернувшись вместе с отцом, обнаружил это и молча ушел, отказавшись от такого брата. С тех пор первый не может насытиться, а другой осуждает его и знает норму».²¹

Противопоставление по отношению к культурным нормам и ценностям определяет взаимные оценки контактирующих этносов. Один из аспектов их взаимодействия представлен культуртрегерской темой. Согласно народным преданиям, казахи, пришедшие на р. Чую, попросили покровительства теленгитских зайсанов. С собой они принесли все самое дорогое: серебряные украшения, упряжь, подковы, стремена, узорные войлоки. «Все ли вы делаете сами?» — спросили их зайсаны и, получив утвердительный ответ, позволили перекочевать на Алтай сорока аилам, которые славились мастерами-кузнецами, лекарями, ювелирами, ковроделами. Первым принял казахов в

своих владениях зайсан Очурдяп. (Его потомки до сих пор живут в Чуйской степи.)

Осознание культуртрегерской миссии было включено в структуру этнической идентичности казахов Алтая, поскольку определяло модус социальной значимости этноса. Высокая степень развития личностного начала у казахского народа неоднократно отмечалась исследователями. «Особенно возвышает их (казахов — И. О.) над народами Алтая чувство собственного достоинства и воинственный, я бы сказал рыцарский, дух», — писал В. В. Радлов в 1860 г.²²

Сильное персоналистское начало было характерно для мировоззрения казахов Алтая, как и для всех мигрантов, чье существование определяют стратегии освоения нового жизненного пространства. Интерес к жизненному опыту и личному успеху чрезвычайно высок у казахов Чуйской степи и по сей день.

В 1990-е гг. в статусе национального героя кош-агачских казахов был кодифицирован образ Шакырты, сына Абдульдо Саргалдакова — одного из лидеров рода саргалдак начала XX в. Появилось его биографическое эссе, написанное высоким стилем. Его портрет, выполненный по фотографии 1920-х гг., украсил Музей казахской истории и культуры в с. Джанаул Кош-Агачского р-на Республики Алтай. О Шакырте рассказывают, что это был благочестивый человек; он первым из чуйских казахов совершил хадж; его мудрость и прозорливость позволяли ему примирять враждующих (в годы его жизни прекратились распри в Чуйской степи); благодаря усилиям Шакырты казахи обрели свою новую родину.

Героизация образов первопроходцев опередила сюжеты семейных преданий казахов, связанных с освоением горных урочищ Алтая. В 1993–1995 гг. в с. Джазатор, где живут потомки чингистайских (катонских) казахов, была записана генеалогия легендарного Тохтамыса, некогда приведшего в долины рек Кара-Алахи, Ак-Алахи и Джазатора своих соплеменников. В рассказах своего потомка К. И. Нурсалканова он обретал черты эпического героя: обладал мудростью, твердым характером, богатырской силой, поэтическим даром и силой внушения. Его, якобы, знал весь Алтай. И сам Аргымбай — лидер зарождавшейся алтайской буржуазии, стал побратимом Тохтамыса, подарив ему белую лошадь под седлом и плетью. Вымысел и реальность

²¹ Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. Казах — калмак — алтаец. Диалог двух культур на Алтае // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунар. науч. конф. Вып. 7. Барнаул, 2008. С. 38.

²² Радлов В. В. Указ. соч. С. 335.

переплелись в этнической памяти. Проекция судеб предков-первопроходцев на судьбы потомков превратилась в тему личной и общественной рефлексии. Прямые потомки Тохтамыса из рода каратай — байтөлөс — принадлежат к кругу самых уважаемых родов в пограничном районе Алтая.

Активное созидательное начало, связанное с появлением казахов на Алтае, подчеркивается и в устной традиции, и в современной региональной публицистике. В соционормативной и фольклорной традициях казахского народа интерес к национальным героям имеет широкий эмоциональный и смысловой диапазон. Уникальным явлением народной поэзии казахов Алтая представляются биографические «поэмы». В стихотворной форме в них излагаются традиционные генеалогии и подробности частной жизни героев, особенно подчеркивается чувство гордости за достигнутые в жизни успехи.

«Во многих селах, где живут казахи: Кош-Агач, Жана-Аул, Тобелер, — читаем в творческой работе, посвященной истории родного народа, Дюсеновой Айгуль (род даулет), студентки 1 курса НГПУ (2004 г.), — жителей объединяет чувство национального самосознания и гордости за сделанное собственными силами. Здесь почитаются старинные традиции, изучаются истории семей, молодежь говорит на казахском языке и не стесняется этого.

В настоящее время в газете “Чуйские зори” в качестве приложения выходит лист на казахском языке. Среди казахов есть свои лидеры, активисты, старейшины и бизнесмены».²³

С начала 1990-х гг. одним из самых популярных жанров газеты «Чуйские зори» Кош-Агачского р-на Республики Алтай становятся биографические очерки. Личный успех уважаемых людей превращается в общественно значимый императив, становится олицетворением успеха всего народа.

Актуализация этничности и героизация прошлого определяют стереотипы самосознания и практики межэтнических коммуникаций населения пограничной зоны Алтая. Опираясь на противоречивый опыт прошлого, многонациональное сообщество региона пытается определить оптимальные формы взаимодействия в настоящем. Ориентация на диалог, противостоящий деструктивным тенденциям, приобретает все большую силу в стратегиях межэтнического взаимодействия как на уровне отдельных районов, так и в Республике Алтай в целом.

Дальнейшее развитие и укрепление государственности, сохранение гражданского мира, взаимопонимания и согласия между представителями всех народов, проживающих в Республике Алтай, положены в основу Концепции национальной политики, поддержанной Ассамблеей народов Республики Алтай.

Ключевые слова: *этнополитическая история, Алтай, этносы, фольклор, XVIII–XXI вв.*

SELF-CONSCIOUSNESS OF THE TURKIC PEOPLES OF THE SAYAN-ALTAI REGION: ETHNIC HISTORY IN THE LIGHT OF FOLKLORE

The article deals with the ethno-political history of the Altai in the 18th–21st centuries which contributed to building the relations between the ethnic groups of the region and the evolution of their value systems. They were determined by the opposition of “good” and “evil” categories refracted through the prism of “friendly” and “alien” relations. Using the controversial experience of the past history the multi-ethnic population of the region is trying to find the optimal means for building relationships in the present. Actualization of ethnicity and glorification of the past predetermine the stereotypes of self-consciousness and inter-ethnic communication practices of the population of the border zone of the Altai in the early 21st century.

Irina V. Oktyabrskaya

²³ ПМА. г. Новосибирск. 2004.